

СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕГО УПРАВЛЕНИЯ ПАРСИЙСКОЙ ОБЩИНЫ В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Общину парсов к моменту прихода англичан в Индию характеризовали, с одной стороны, включенность в экономическую жизнь Гуджарата, их специализация в области торговли и ростовщичества, ремесла и обслуживания, а с другой – отъединенность от основной массы населения, их религиозная, этническая, культурная чужеродность. Парсы, на протяжении всей своей истории в Индии, имели низкое демографическое представительство, сохраняли свои этнокультурные границы. Упорство в труде, воспитанное в парсах их религией – зороастризмом, в сочетании с приобретенными торговыми навыками, динамизм, умение ориентироваться в новых ситуациях сделали парсов-торговцев отличными купцами. Знание внутренних районов страны, местных языков, значительные денежные средства, находящиеся в их руках, а также рациональное поведение сделали их наиболее выгодными партнерами для англичан. Пройдя стадию патрон-клиентных отношений, стадию равного партнерства, парсы к началу XX в. смогли составить конкуренцию, как предприниматели, англичанам. Парсы были первой индийской этноконфессиональной общностью, вставшей на путь модернизационного развития.

Привнесенная европейцами индивидуалистическая система ценностей не смогла разрушить общинного способа организации в социуме парсов. С одной стороны, сохранению общности способствовала мощная инерция, создаваемая веками, а с другой – этому способствовали чисто объективные причины. Община помогала налаживать и поддерживать взаимоотношения с колониальными властями, европейскими предпринимателями, традиционной индийской элитой. Сплоченность, взаимопомощь продолжали оставаться залогом пусть уже не самосохранения, но делового успеха и процветания. Немаловажное значение имело также то, что община давала моральную, религиозную санкцию на деловой успех. Предпринимательская деятельность расценивалась как служение Богу, религиозный долг. Приумножение материальных благ и вообще успех в деловой сфере расценивался парсами как успешное выполнение религиозного долга. Ориентированность на успех, умение жить сразу в нескольких социокультурных, языковых мирах, стремление и умение посредничать между ними позволили парсам легко войти в новый колониальный мир, усвоить привнесенные англичанами язык, образ

жизни, некоторые духовные ценности, профессиональные умения и знания.

Парсы, поселившись в Индии, изначально вошли в индийское традиционное общество как группа, со своим местом не только в экономике, но и в социальной жизни. Это объясняется не только тем, что общинность, иерархия групп были универсальным способом организации традиционного общества, но и тем, что без органического растворения человека в группе, без строго регламентированных норм, правил поведения, институтов, внутриобщинных связей, жесткой структуры подчинения и покровительства, внутригрупповой иерархии, строжайшего взаимоконтроля и суровых санкций к нарушителям выжить в иноэтническом окружении было невозможно [1, с. 221]. Общинность – одна из ключевых характеристик в изучении этноконфессиональной общности индийских зороастрийцев. Именно строго организованная община была залогом выживания, сохранения идентичности парсов. Несмотря на дисперсность, расплывенность по территории Индии отдельных групп парсийских семей, они сохранили тесные внутриобщинные связи.

Традиционно для парсийской общины территория Гуджарата была поделена на пять групп, или пантхак. Каждую такую группу семей мирян обслуживал священнослужитель – пантхаки. Связь между ними была наследственной. Служителей культа низшего ранга называли харбад, среднего ранга – дастур, а высшего – мобед. Объединенные в местные ассоциации, т. е. включенные в местную иерархию, парсийские священнослужители подчинялись храму, в котором горел священный Атеш-Бахрам. Все побережье Гуджарата с севера на юг в местах первоначального поселения парсов обслуживали санджаны. Навсари обслуживали так называемые «дольщики» – бхагарии. Годавры служили в обширном сельском районе, включавшем городок Анклесар. В порту Броаче парсийские семьи обслуживали бхаручи, а в Кхамбате, или Камбее, – кхамбатты [6, р. 186]. Каждый жреческий пантх имел свой совет и управлял своими внутренними делами. Вопросы же, связанные с делами всей общины, решались в Санджанском пантхе, затем в пантхе города Навсари, т. е. имелся единый центр парсийской общины в Индии. В описании путешественника Овингтона (конец XVII в.) парсы предстают добрыми, спокойными, трудолюбивыми, живущими между собой в полном согласии. «Их всесторонняя доброта, проявляющаяся в найме на работу тех нуждающихся, кто может работать, и в раздаче мило-

стыни немощным и несчастным, не оставляет никого лишенным помощи» [цит. по: 1, с. 218].

Такое общественное попечение нуждалось в организации. Парсами руководили их старейшины или судьи, должности которых обычно передавались по наследству. Эти старейшины-акабиры могли быть мирянами или же людьми жреческого происхождения, но светских профессий, так как жрецы сами непосредственно мирскими делами не занимались, они объединялись для управления делами веры. Однако жрецы сотрудничали со старейшинами в наблюдении за нравственностью. За нарушение парса могли даже исключить из общины, т. е. он отлучался от всех религиозных церемоний и лишался общественных благодеяний. Такого человека не приглашали на религиозные церемонии, свадьбы, не допускались они и на похороны. Исключенный из общины не мог войти в храм огня, не мог рассчитывать и на похоронный обряд. Зороастрийские священники не совершали никаких религиозных обрядов в его семье. Фактически такой человек становится отверженным, «вне касты». Случалось, что на совершивших проступки налагались и прямые наказания. Ставоринус отмечает, что «прелюбодеяние и блуд они наказывают сами и иногда даже приговаривают к смерти, но они обязаны, тем не менее, предупредить правительство. Казнят тайно: либо забивают камнями, либо топят в реке, а иногда отравляют ядом. Хотя такие тяжкие преступления очень редки среди них» [цит. по: 1, с. 218]. Как показывает сообщение путешественника, парсы обладали достаточной автономией в управлении своими внутренними делами. Суровость же наказания за проступки, по-видимому, имела единственной целью их предотвращение.

С 1728 г. традиционный парсийский совет старейшин стал называться панчятом. Это название было дано англичанами, которые, завладев Суратом и поощряя перемещение населения и коммерции на свое островное владение – Бомбей, предложили «народностям» избрать собственных представителей для управления своими собственными делами. Так образовался панчят парсов Бомбея. Основной функцией панчята было регулирование социальных и религиозных отношений внутри парсийской общины, или, словами правительственной резолюции от 1 января 1787 г., «решение частных споров и управление общиной» [цит. по: 4, р. 324]. Среди его первых девяти членов не было ни одного священнослужителя. Поскольку Бомбей не входил в традиционное деление парсийской общины на пантхи, не было здесь соответствующего жреческого органа для руководства религиозными

делами общины, такого, например, как связанного с уходом за дахмами – «башнями молчания» (место захоронения зороастрийцев); этими делами занялся светский орган управления общиной – панчаят. То, что совет старейшин, панчаят парсов Бомбея управлял делами «веры», было ново для парсийской общины в Индии. Даже храмы огня в Бомбее, содержавшиеся за счет богатых мирян, находились под надзором светских попечителей, происходивших обычно из семьи основателей храма, которые и назначали жрецов, в то время как старые храмы огня пантхов Санджана и Бхагариа оставались в распоряжении самих жрецов. Ответственность жрецов за сохранение общины, а, следовательно, и их власть, уменьшалась в Бомбее более, чем где бы то ни было.

В основном, обязанности бомбейского панчаята были теми же, что и традиционного совета старейшин, однако его задачи осложнялись тем, что парсы не жили больше отдельными кварталами (как, например, в Сурате), увеличивалось разнообразие их занятий и сфер интересов, что постепенно подрывало общинное единство. Труднее было сохранять строгую зороастрийскую нравственность в перенаселенном, растущем, многонациональном городе.

В области общественных отношений XVIII в. панчаят стремился поддерживать стабильность брака и упорядочить разводы, которые допускались, хотя и неохотно, по довольно разнообразным обстоятельствам. Разрешалось двоеженство, если первый брак был бездетным. Функция регистрации браков парсов была в ведении панчаята до 1865 г., когда согласно «Акту о браке и бракоразводе парсов» (акт № XV от 7.04.1865 г.) она была передана в руки чиновнику-регистратору парсийских браков [6, р. 194].

В целях сохранения общины в обособленности и «чистоте» панчаят решительно противился обращению в зороастризм и приобщению к вере джуддинов (людей других религий). В этом вопросе панчаят стоял на традиционной точке зрения, что парсы – это особая замкнутая группа, со своей наследственной религией, своим культом. Исходя из этого, панчаят также запрещал опоясывание священным поясом кусты (как символ признания равноправным членом общины) детей, родившихся от непарсов. Таким образом, за чистоту общины боролись не только священнослужители, но и управлявшие ею миряне, причем позиция их оставалась жесткой.

Когда поднимался очень важный, дискуссионный вопрос, для его решения панчаят созывал собрание всех членов парсийской общины. Первое подобное общее собрание состоялось в 1749 г. Парсийская община собралась обсудить метод совершения похоронного обряда. Второе собрание подобного рода было в 1777 г.,

на котором решался вопрос о возможности заключения брака между парсами мирянами и священниками парсийской общины. В итоге была вынесена резолюция о запрещении подобных браков. В следующем году панчаят обратился к губернатору Уильяму Хорнби с просьбой о разрешении применять наказания к тем членам парсийской общины, которые нарушили религиозные правила. И такое разрешение было получено [3, р. 324]. То есть панчаяту была дана официальная санкция на применение наказания к нарушителям религиозных предписаний.

Еще одна сфера деятельности панчаята заключалась в управлении фондами и в благотворительности, что также было в традициях прежних старейшин – акабиров. Панчаят имел в своем распоряжении значительные денежные фонды, накопившиеся от сборов за совершение обрядов бракосочетания и похорон, пожертвований по завещаниям, штрафов. Штрафы, налагаемые за совершение проступков панчаятом на членов общины, стали заменителем, «эквивалентом» традиционных телесных наказаний, которые были отменены англичанами. Так, под влиянием внешних обстоятельств, с пользой для всей общины, изменилась одна из норм обычного права у парсов. Необходимо отдать должное личным качествам членов парсийского панчаята, поскольку они сумели приобрести значительный авторитет не только в XVIII в., но пользовались большим влиянием на протяжении всего XIX в. В более поздние времена для крупного предприятия парсов желательнее было одобрение панчаята.

В 1823 г. четыре члена панчаята были назначены попечителями для управления фондами: Хормузджи Бонанджи Вадиа, Фрамджи Ковасджи Банаджи, Наороджи Джамшетджи Вадиа, Джамсетджи Джиджибхай [5, р. 69]. Практически все дела общины находились в их руках. Действительное объединение «Правления попечителей парсийского панчаята» произошло в 1849 г., когда Джамсетджи Джиджибхай учредил свою собственную организацию «Сэр Джамсетджи Джиджибхай парсийское благотворительное учреждение» для общественной помощи единоверцам. С 1851 г. «Правление попечителей» становится, при некоторых своих недостатках, крайне эффективной и влиятельной, главной общественной состоятельной организацией, которая боролась за престиж и авторитет панчаята через выполнение его работы. Главы правления попечителей:

- 1851–1931 гг. – Джамсетджи Джиджибхай (пять сроков правления),
- 1931–1934 гг. – Ковасджи Джехандир,
- 1934–1943 гг. – Манчерджи Пестонджи Кхарегат,

1943 г. – Ковасджи Джанвхай Сетт,
1943–1957 гг. – Шапурджи Б. Биллимория.

Фонды, которыми управляли попечители, достигали до 44 млн рупий, сам бомбейский панчаят располагался с 1875 г. в величественном здании, которое всем своим видом указывало на богатство парсийской общины, что шло вразрез с традицией невыставления напоказ доходов членов общины.

Следуя неписаному правилу, парсийские аристократические семьи, такие как Джиджибхай и Ковасджи Джехангир (Ридимани), составляли правление панчаята. В течение XIX в. парсийская община не имела влияния на состав «Правления попечителей». Каждый уходящий в отставку называл своего преемника. В 1906 г. после юридического процесса перед бомбейским Высшим Судом (был осужден Диншав Данджибхай Давар) была введена новая избирательная процедура, с социальной дифференциацией выборщиков. Следуя этому, были определены четыре выборные коллегии:

Первая – так называемый список «А», который составляли лица, жертвовавшие панчаяту от 500 до 5000 рупий.

Вторая – список «В», который составляли так называемые «Titled Gentry» – парсы, получившие титулы от английского правительства, высокие чиновники.

Третью коллегия выборщиков – входящих в список «С» – составляли обладатели университетской степени.

Четвертую коллегия выборщиков – входящих в список «D» составляли все парсы старше 21 года (и женщины, и мужчины).

От коллегий А–D выбирались 100 делегатов-избирателей (список E), которые вместе с выборщиками списка F, в который входили лица, жертвующие панчаяту более 5000 рупий, выбирали 7 человек правления панчаята.

С 1937 г., как правило, одна женщина выбиралась в правление, так, например, леди Н. Ратан Тата была в правлении в 1937–1946 гг. Таким образом, можно говорить, что с начала XX в. через систему внутренних выборов привносится элемент демократии в управление общиной.

К концу XIX в. бомбейский панчаят стал главным панчаятом, главным органом внутриобщинного самоуправления парсов Индии.

По мере того как община расселялась и основывались новые поселения, сначала вдоль морских путей Британской империи, а затем и вглубь Индии по железным дорогам, возникало множество новых панчаятов или, как их еще называли, анджоманов. Некий парс написал о них так: «Где бы ни жили в Индии или за границей человек пять – десять парсов или больше, там вскоре

возникал панчаят или анджоман, собиравшие средства на общественные религиозные или благотворительные цели ... Вершиной местных анджоманов был панчаят парсов Бомбея, хранивший фонды большинства индийских и нескольких зарубежных панчаятов. Эта огромная пирамида сотрудничества парсов была оплотом их мощи, образуя незаметную структуру уникальной системы социального обеспечения...» [цит. по: 1, с. 243]. Считается, что в конце XIX в. существовало около 120 местных панчаятов, примерно такое же количество «дахм» и 134 малых храмов огня.

Община парсов к концу XIX в. становится одной из наиболее урбанизированных общин в Индии. К 1941 г. 89 % парсов проживало в крупных промышленных центрах. Специфика городской жизни нарушала традиционный уклад. Практически на нет сошла традиция «общего стола», празднования дня всей общины. Совместные трапезы, став достаточно редким явлением, стали больше походить на благотворительные угощения, устраиваемые богатыми парсами. Однако неизменным оставалось празднование семи гахамбаров, посвященных Ахура-Мазде. При уменьшении значения общеообщинных праздников возросла роль чисто семейных религиозных праздников. Особенно пышным и торжественным стал обряд и следующее за ним торжество, посвященное повязыванию священного шнура кусты.

Во время войны 1939–1945 гг. действовали экономические меры, предполагавшие, в том числе, запрет на все общественные угощения, что существенно подорвало традицию общинных гахамбаров. Стало трудно также ввозить шерсть для плетения поясов-кусты (в то время это было обязанностью жен жрецов в Индии), и панчаят парсов вынужден был заявить протест для получения особой квоты.

Конец британского владычества в Индии в 1947 г. сулил парсам большие перемены, угрожая тем связям, которые соединяли всю общину. Пять тысяч парсов Карачи, Лахора и Кветты оказались в мусульманском государстве Пакистан. Часть парсов эмигрировала оттуда и из Индии в Англию, Канаду, США, но большинство остались, став либо индийцами, либо пакистанцами. Они играли важную роль в жизни двух государств, так как из их числа вышло большое количество общественных деятелей, военных, летчиков, ученых, промышленников, издателей газет. Общественная деятельность и государственная служба уже давно стали считаться парсами религиозно одобряемым делом.

Поскольку независимая Индия – светское государство, религиозные школы зороастрийцев вынуждены были открыть свои

двери всем посетителям, что ограничило религиозное образование парсов. Объективные условия современности, материальный прогресс активно размывали религиозные традиции парсийских семей. В том числе с появлением электричества, газа в зороастрийских домах Бомбея «угасают» домашние очаги как место семейных богослужений. Расширение социальной активности отодвинули на второй план религиозную традицию.

Итак, несмотря на присущую парсийской общине дисперсность, она сохранилась, благодаря четкой внутренней иерархии управления как единое целое до середины XX в.. Община переставала быть «юридическим лицом», т. е. от нее отходили постепенно функции административные, налоговые, правовые. Шел стремительный процесс «европеизации» общинной жизни, тем не менее, общинные устои не рухнули в новых условиях. Европеизированное молодое поколение продолжало жертвовать большие суммы денег на строительство новых храмов, на создание благотворительных организаций. Парсийская община демонстрирует заботу о поддержании связей друг с другом. Внутриобщинные связи институционализированы. К середине XX в. парсы прочно занимают лидирующие позиции среди индийских общин в промышленности, финансах, особенно в таких экономических центрах Индии как Бомбей и Калькутта. Факторами делового успеха этих групп можно назвать общинную мобилизацию ресурсов, доминирование во внутренней банковской системе, налаженный механизм деловых отношений внутри общины.

Современная община парсов стала сообществом людей, свободно ориентирующихся в индустриальном и постиндустриальном мире, добившихся в нем социального успеха и экономического процветания, и, вместе с тем, сохранивших веру своих предков и общинное единство.

Литература

1. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи / М. Бойс ; пер. с англ. и примеч. И. М. Стеблина-Каменского. – СПб. : Петерб. востоковедение, 1994. – 278 с.
2. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные богом? // Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. – М., 1996.
3. Census of India 1941. Vol. III Bombay. Tables. – Simla : Government of India press, 1942. – 154 p.
4. Dadabhai Naoroji Manners and customs of the Parsees. – L. : Straker and sons, 1864. – 25 p.
5. Kulke E. The Parsees in India / E. Kulke. – Delhi, 1974.
6. The tribes and castes of Bombay by Enthoven R. E. – Delhi, 1975. – 172 p.